

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

НАРЗИЕВА АЗИЗА

ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Б.ЗАЙЦЕВА

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Научный руководитель:

Зикириллаев Б.

**Завкафедрой мировой
литературы ___ Ишниязова Ш.А.**

САМАРКАНД - 2015

Введение

Творчество Бориса Зайцева принадлежит к числу наименее исследованных по настоящее время в силу определенных причин. В первую очередь, это связано с эмигрантской судьбой писателя, который практически всю жизнь провел на чужбине и был неизвестен широкому кругу отечественных читателей. Основная же причина кроется в идеологической «непривязанности» творчества Зайцева к требованиям отечественной литературы прошлого столетия.

Выбор темы связан с фактической неразработанностью вопроса о творчестве Бориса Зайцева, которое долгое время оставалось за границами литературоведческих исследований, а также с желанием представить основные творческие установки писателя в их динамике. Его творчество лишь с недавнего времени стало объектом глубокого научного изучения. До 1987 г. произведения писателя не переиздавались на родине, а упоминания о нем содержались преимущественно в историко-литературных работах общего характера. Ждет своего исследования драматургия писателя, его публицистика, а также большой объем эпистолярного наследия. В поле зрения работы входит вопрос о мировоззрении Б.Зайцева, которое во многом определило специфику творчества писателя.

Актуальность темы заключается в том, что творчество Б.К. Зайцева в настоящее время все больше привлекает к себе интерес в силу своего своеобразия, проявляющегося в идейно-художественном содержании его произведений, их стилистике и т.д..

Степень изученности. Последние годы научного изучения творчества Б. К. Зайцева были отмечены появлением обстоятельных монографических работ, посвященных творчеству писателя. К ним относятся монография А.В. Ярковой «Жанровое своеобразие творчества Б.К. Зайцева 1922 – 1972 годов»

(2002) и исследование Т.М. Степановой «Поэзия и правда. Структура и поэтика публицистической прозы Б. Зайцева» (2002). Проблема стиля и метода поставлена и развита в работах Ю. А. Драгуновой и др.

Объект исследования: новеллистика Б.Зайцева, путевой очерк «Афон», тетралогия «Путешествие Глеба».

Предмет исследования – тематика, образная система указанных произведений писателя, их основная проблематика, функциональное назначение пейзажных описаний в путевом очерке Б.К. Зайцева «Аграфена».

Целью настоящей работы является анализ поэтики и стилевых особенностей произведений писателя.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- определить специфику художественно-эстетических, нравственно-этических, религиозных и других идейных влияний эпохи на творчество автора;
- проанализировать идейно-художественную составляющую отдельных произведений;
- выявить пейзажные разновидности путевого очерка «Аграфена» и их роль в художественном тексте (с учетом зависимости от жанровой природы).

Методологическую основу исследования составили труды в области теории литературоведения Чернец Л.В., Поспелова Г.Н., Тмарченко Н.Д., Хализева В.Е. , исследования российских литературоведов, рассматривающих проблемы пейзажного функционирования с исторической, жанровой и эстетической позиций (труды Д.С. Лихачева, К.В. Пигарева, М.Н. Эпштейна); ряд работ ведущих исследователей творчества Б.К. Зайцева по поэтике его документально-художественной прозы (Громова А.В., Яркова А.В.).

Метод исследования: метод описания, анализа и синтеза, биографический, историко-литературный. В целом же, основа методики

исследования опирается на принципы целостного анализа идейно-художественной структуры произведений писателя.

Новизна работы заключается в попытке выявить как можно больший спектр идейных и художественных установок писателя, чего, как правило, критика избегает.

Теоретическая значимость работы: полученные в ходе исследования результаты могут быть в дальнейшем использованы при разработке учебного материала по творчеству Б.Зайцева в различных учебных заведениях.

Структура работы представлена Введением, двумя главами и Заключением.

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются предмет и объект исследования, устанавливаются исходные теоретические позиции, обозначаются цель и задачи, указывается определяющая методология; формулируются положения, определившие концепцию выпускной квалификационной работы.

Первая глава «Особенности творчества Б.К.Зайцева». Здесь выявляются общие характеристики творчества писателя, его идеологические и эстетические воззрения. Свои первые литературные опыты Зайцев отдает на суд патриарха критики и публицистики Н.Михайловского, редактора журнала народничества "Русское богатство" и получает его благосклонное напутствие. В 1900 он встречается в Ялте с Чеховым, благоговейное отношение к которому сохраняет на всю жизнь. Чехов отметил талант молодого писателя. Леонид Андреев опубликовал в "Курьере" рассказ Зайцева "В дороге", который возвестил; о рождении самобытного прозаика.

Вторая глава «Подвиг святости как основная концепция в творческом осмыслении Б.Зайцева» исследует практическое воплощение творческих установок автора на конкретных примерах, выявляются специфические черты путевого цикла Б.К. Зайцева «Аграфена» как жанровой разновидности документально-художественной литературы. Повесть «Аграфена» (1908)

стала одним из ярких явлений в ранней прозе Б.Зайцева, где отчетливо наметились подходы к художественному познанию внутреннего бытия личности, высветилась оригинальность импрессионистской стилизованной манеры писателя. В тридцати коротких главках этой повести-«портрета» воссоздаются пульсирующие ритмы душевных исканий Аграфены, что становится «примером бытийственного «прочтения» жизни героини»

В заключении подведены итоги проведённой работы.

Список использованной научной литературы насчитывает 23 наименований.

Глава I. Особенности творчества Б.К.Зайцева

Б.К.Зайцев родился 29 января (10 февраля н.с.) в Орле в семье горного инженера. Детские годы прошли в селе Усты Калужской губернии "в атмосфере приволья и самого доброго к себе отношения со стороны родителей". С этого времени он испытывает "колдовскую власть", каковую всю жизнь радостно испытывает - власть книги.

В Калуге он заканчивает классическую гимназию и реальное училище. В 1898 "не без внушений любимого отца" выдерживает экзамены в Императорское техническое училище. Учится только год: его отчисляют за участие в студенческих волнениях. Едет в Петербург, поступает в Горный институт, но скоро его оставляет, возвращается в Москву и, снова успешно сдав экзамены, становится студентом юридического факультета университета, но, проучившись три года, бросает университет. Увлечение литературой становится делом всей жизни.

Свои первые литературные опыты Зайцев отдает на суд патриарха критики и публицистики Н.Михайловского, редактора журнала народничества "Русское богатство" и получает его благосклонное напутствие. В 1900 он встречается в Ялте с Чеховым, благоговейное отношение к которому сохраняет на всю жизнь. Чехов отметил талант молодого писателя. Леонид Андреев опубликовал в "Курьере" рассказ Зайцева "В дороге", который возвестил о рождении самобытного прозаика. В 1902 входит в московский литературный кружок "Среда", объединявший Н.Телешова, В.Вересаева, И.Бунина, Л.Андреева, М.Горького и др.

Первые успешные публикации открывают Зайцеву дорогу в любые журналы. О нем заговорили, появились первые рецензии и очерки

творчества. Главным достоинством его рассказов, повестей, романов, пьес была радость жизни, светлое оптимистическое начало его мировидения.

В 1906 его знакомство с Буниным переходит в близкую дружбу, которая сохранится до последних дней их жизней, хотя временами они ссорились, впрочем, очень быстро мирясь.

В Москве в 1912 образуется кооператив "Книгоиздательство писателей", в которое входят Бунин и Зайцев, Телешов и Шмелев и др.; здесь в сборниках "Слово" Зайцев печатает такие значительные произведения, как "Голубая звезда", "Мать и Катя", "Путники". Здесь же начинается публикация его первого собрания сочинений в семи томах.

В 1912 он женится, рождается дочь Наташа. Среди этих событий личной жизни он завершает работу над романом "Дальний край" и приступает к переводу "Божественной комедии" Данте.

Зайцев подолгу живет и работает в отцовском доме в Притыкино Тульской губернии. Здесь получает весть о начале первой мировой войны и повестку о мобилизации. Тридцатипятилетний писатель в 1916 становится курсантом военного училища в Москве, а в 1917 - офицером запаса пехотного полка. Воевать ему не пришлось - началась революция. Зайцев пытается найти в этом разрушающемся мире место для себя, что дается с большим трудом, многое возмущает, оказывается неприемлемым.

Участвует в работе Московской просветительской комиссии. Далее радостные события (публикации книг) сменяются трагическими: арестован и расстрелян сын жены (от первого брака), умирает отец. В 1921 его выбирают председателем Союза писателей, в этом же году деятели культуры вступают в комитет помощи голодающим, а через месяц их арестовывают и отвозят на Лубянку. Зайцева через несколько дней освобождают, он уезжает в Притыкино и возвращается весной 1922 в Москву, где заболевает тифом. После выздоровления решает с семьей ехать за границу для поправки здоровья. Благодаря содействию Луначарского получает визу и покидает

Россию. Сначала живет в Берлине, много работает, затем в 1924 приезжает в Париж, встречается с Буниным, Куприным, Мережковским и навсегда остается в столице эмигрантского зарубежья. Зайцев до конца своих дней активно работает, много пишет, печатается. Осуществляет давно задуманное - пишет художественные биографии дорогих ему людей, писателей: "Жизнь Тургенева" (1932), "Жуковский" (1951), "Чехов"(1954).

В 1964 пишет последний свой рассказ "Река времен", который даст название и последней его книге.

21 января 1972 в возрасте 91 года Зайцев скончался в Париже. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

1.1 Особенности поэзии в творчестве Б.Зайцева

Если земная любовь и смерть предстают в поэзии у Зайцева прекрасными отражениями вечного духа любви, то нетрудно понять, какой великой любовью одел он жизнь. Мы не знаем поэта, который бы так пламенно любил жизнь и все ее проявления. Для Зайцева не существует выбора, он не знает высшего и низшего в человеческих действиях и желаниях. У него вы не встретите так называемых отрицательных типов, потому что он слишком любит все живущее. Он следует за своими героями по пятам, он трепещет от восторга, видя, как они вбирают в себя то или другое из рассыпанных в жизни наслаждений.

Основа и двигатель зайцевского лиризма - бескорыстие. Не было бы ошибкой было сказать, что это вообще - духовная основа и двигатель всякого истинного лиризма, и даже больше: всякого творчества. Эгоист, стяжатель всегда антипоэтичен, антидуховен, какие бы позы ни принимал: правило, кажется, не допускающее исключений. Зайцев сострадателен к миру, пассивно-печален при виде его жестоких и кровавых

неурядиц, но и грусть, и сострадание обращены у него к миру, а не самому себе. Большею частью обращены к России.

"Легкий ветер времени", сметая все, неприкосновенными оставляет некоторые слова. Пролетая над Россией, он, несомненно, среди других, более мощных и жгучих слов пощадит и прекрасные в своей тишине печальные, хрустальные, лирические слова Бориса Зайцева.

Сменилось несколько поколений читателей в нашей стране, никогда не слышавших такого писательского имени: Борис Зайцев. Лишь узкий круг исследователей да книгочеи знали: рядом с Буниным и Леонидом Андреевым, Куприным и Сергеевым-Ценским, Ремизовым и Сологубом росла, крепла, утверждалась слава этого самобытного художника - поэта прозы, тонкого лирика, нашедшего свою негромкую дорогу в литературе начала века и уверенно прошедшего ею до наших дней. Он издал целую библиотеку книг, восхищавших самых взыскательных ценителей искусства слова. "Весь Зайцев"-это около семисот названий произведений различных жанров - романов, повестей, рассказов, пьес, эссе, беллетризованных биографий, мемуарных очерков, статей... Только часть огромного литературного наследия Зайцева вошла в книги, хотя издано их немало - более семидесяти томов.

Самая первая - "Рассказы"- появилась в ноябре 1906 года и мгновенно была раскуплена. Что по тем временам случалось не часто. (Кстати, обложку ее выполнил уже знаменитый в ту пору Мстислав Добужинский.) Санкт-петербургскому издательству "Шиповник" пришлось выпустить книгу повторными изданиями в 1907 и 1908 годах. В нее автор включил девять лирико-импрессионистических этюдов и рассказов (поэм, как называл их сам Зайцев и его критики). О сборнике дебютанта с похвалой отозвались А. Блок, В. Брюсов, И. Бунин, М. Горький.

Для начинающего писателя - немалая честь получить одобрение и напутствие таких литературных метров.

И снова вопрос: почему же мы почти ничего не знаем о нем? Почему только сейчас - после без малого семи десятилетий забвения - его первая книга приходит к читателю? Обратимся за ответом к судьбе и творчеству этого, по словам его многочисленных критиков-современников, "барда вечного духа любви", "поэта космической жизни", "певца радости".

Детские годы будущего писателя прошли в селе Усты Жиздринского уезда Калужской губернии, где его отец управлял рудной конторой. Это счастливое, беззаботное время много лет спустя будет поэтически описано им в рассказе "Заря". А вот типичный семейный вечер той поры, о котором вспоминает Зайцев незадолго до своей смерти: "Столовая в барском доме, в деревне. Висячая лампа над обеденным столом, сейчас еще не накрытым. В узком конце его отец, веселый, причесанный на боковой пробор, читает детям вслух. По временам, когда очень смешно (ему), останавливается, вытирает платком негорькие слезы, увеселяющие, читает, читает дальше. Мы, дети, тоже хохочем, из-за чего, собственно? Но веселый ток идет от книги, и от отца. Написал все это какой-то Диккенс. В допотопном рыдване (у нас тоже есть в этом роде), неведомый мистер Пиквик, с товарищами-учениками - разные Топманы, Снодграсы - куда-то едут, чего-то ищут. Собственно, трудно понять, почему это так забавляет нас (милый, смешной и забавный мир приоткрывается). Благодушный фантазмагорист Пиквик, через любимого отца, входит в дом наш, разливает свое приветное веяние" ("Русская мысль", №2784, 1970, 2 апреля).

Затем, продолжает экскурс в детство Борис Константинович, "капитана Немо ждешь, как подарка, каждую субботу (приложение к "Задуманному слову" - какое название!). "Ребенком держал в руках книжечку в переплете - перелистаешь, там какие-то мельницы ветряные, рыцарь на коне с копьём летит на них...

Книга "Дон Кихот" обладает таким свойством: незаметно, но чем дальше, тем больше подымает она, просветляет и облагораживает. Прочитав

несколько страниц, закрываешь ее с улыбкой чистой, выше обыденного. Будто ребенок тебя приласкал, но ребенок особенный, в нем чистота, музыкальность и нечто не от мира сего".

Из русских писателей "Тургенев раньше других приходит". Наконец, Лев Толстой "расprostирает свой шатер огромный... И под кровом своим держит тебя этот гигант сколько хочет. Сопротивляться бесполезно, да и нет желания.

Напротив, обаяние непрерывно". Достоевский же "настоящий" приходит всех позже. Конечно, и во втором классе Калужской гимназии, таща утром ранец в унылые арестантские роты по имени "классическая гимназия" (ante, apud, adversus... [Перед, около, напротив (лат.)] собьешься, можно двойку получить), вспоминаешь "Бедных людей", "Униженных и оскорбленных", вчера вечером читанных... но до "Идиота", "Бесов", "Братьев Карамазовых" еще далеко, еще годы жить, чтобы воистину родной литературой возгордиться, ни на какую ее не променять".

С той восторженной детско-юношеской поры и начинается для Зайцева самая колдовская власть, какую он всю жизнь радостно приемлет,- власть книги.

В Калуге Борис заканчивает классическую гимназию и реальное училище. В 1898 году он не без внушений горячо любимого отца, возглавившего к тому времени крупнейший в Москве завод Гужона (ныне "Серп и молот"), успешно выдерживает конкурсные экзамены в Императорское Техническое училище. Однако в этом одном из лучших высших учебных заведений страны, готовящих инженерные кадры, Борису довелось учиться всего лишь год: его отчислили за активное участие в студенческих волнениях (он был членом забастовочного комитета).

Опять трудные экзамены, на этот раз в Горный институт в Петербурге. Но и здесь не суждено было сбыться мечтаниям отца, прочившего сыну инженерную карьеру: он оставляет институт и возвращается в Москву, где.

снова успешно сдал экзамены по древним языкам (спасибо классической гимназии!), становится на три года студентом юридического факультета университета.

Юношеская одиссея на этом не обрывается: и университет окончить не довелось - помешало увлечение, ставшее вдохновенным деянием всей его жизни.

К этой поре относятся первые литературные опыты мечтательного юноши, которые он отдает на суд и получает с такой надеждой благосклонное напутствие самого патриарха критики и публицистики Н. К. Михайловского, редактировавшего вместе с В. Г. Короленко солидный журнал народничества "Русское богатство". А в августе 1900 года состоялась его встреча в Ялте с А. П. Чеховым, благоговейное отношение к которому Зайцев сохранил на всю жизнь. Через полвека он напишет одну из лучших своих книг - лирическую повесть о жизни Антона Павловича Чехова. Встреча в Ялте имела немаловажные последствия для дальнейшей судьбы несостоявшегося студента-горняка. 19 февраля 1901 года он решился обратиться к Антону Павловичу: "Пользуясь Вашим любезным разрешением, данным мне в Ялте осенью 900-го года, я вместе с этим письмом отсылаю на Ваш суд свою последнюю работу - "Неинтересную историю". Когда я был тогда в Ялте, так думал, что кончу ее в октябре, а вышло совсем не так. Как бы то ни было, я с нетерпением буду ждать Вашего хотя бы и очень коротенького ответа. Впрочем, об этом распространяться незачем, потому что человек, написавший Константина Треплева, многое понимает. Одно только условие, Антон Павлович: ради Бога, пишите правду.

Вчера я слушал ОДНУ безголосую молодую певицу, которую "похвалил" знаменитый тенор; известно, как хвалят знаменитости - жалеют просто, а не хвалят. Чувство-то это и хорошее, и гуманное, и то, и се, а только иногда тяжело, когда жалеют. Да и вредно. Я ПОУШЮ, Вы тогда

сказали мне: "Если я скажу, что плохо, Вы тогда два месяца писать не будете",- так и не нужно же писать, коли бездарно. Итак, жду хоть и сурового, но совсем искреннего ответа".

И вот ответная телеграмма из Ялты: "Холодно, сухо, длинно, не молодо, хотя талантливо" [А. П. Чехов. Полн. Собр. Соч. Письма. М., 1984, т. 9. с. 526.]. Последние два слова, адресованные юноше человеком и писателем, которого он боготворил,-"хотя талантливо",- конечно же, затмили все другие оценки: и что холодно, и что СУХО, и что длинно, и что не молодо,- ибо все это преодолимо для талантливого.

Как видим, творческая судьба Зайцева начинается благополучно с первых шагов. Однажды твердо принятое (очевидно, вопреки воле отца) решение стать профессиональным литератором - решение, которое возникло как отзвук большой духовной работы, захватившей ум и сердце молодого человека,- привело к небезуспешным пробам пера. Они показали, что мечта юноши - не плод восторженной самонадеянности, а готовность к многотрудному творческому горению.

Удачи и дальше не оставляли Бориса Зайцева. К ним следует отнести встречу и дружбу на долгие годы с репортером газеты "Курьер" Джемсом Линчем, ставшим вскоре знаменитым писателем Леонидом Андреевым. 15 июля 1901 года Андреев опубликовал в "Курьере" "маленький бессюжетный импрессионистическо-лирический пустячок" [7. 284] Один за другим публикуются затем в этой газете поэтические зарисовки и этюды открытого сперва Чеховым, а затем Леонидом Андреевым талантливого новеллиста. В 1902 году новичок в литературе удостоивается чести быть принятым в московский литературный кружок "Среда", в который входили Н.Телешов, В. Вересаев, И. Бунин, Л. Андреев, наездами в Москву А. Чехов, М.Горький, В. Короленко, Ф. Шаляпин и другие. Вот как об этом вспоминает Николай Дмитриевич Телешов, основатель и главный распорядитель кружка: "Однажды Андреев привез к нам новичка.

Как в свое время его самого привез к нам Горький, так теперь он сам привез на "Среду" молоденького студента в серой форменной тужурке с золочеными пуговицами.

Юноша талантливый,- говорил про него Андреев.- Напечатал в "Курьере" хотя всего два рассказа" [В газете "Курьер" с 1901 по 1903 годы опубликовано семь рассказов Б. Зайцем.], но ясно, что из него выйдет толк.

Юноша всем понравился. И рассказ его "Волки" тоже понравился, и с того вечера он стал посетителем "Сред". Вскоре из него выработался писатель - Борис Зайцев" [Телешов Н. Записки писателя. М., "Московский рабочий", 1980,с. 101.].

"...На "Среде", - вспоминает через двадцать лет Зайцев,-держались просто, дружественно; дух товарищеской благожелательности преобладал. И даже тогда, когда вещь корили, это делалось необидно. Вообще же это были московские, приветливые и "добрые" вечера. Вечера не бурные по духовной напряженности, несколько провинциальные, но хорошие своим гуманитарным тоном, воздухом ясным, дружелюбным (иногда очень уж покойным). Входя, многие целовались, большинство было на ты (что особенно любил Андреев); давали друг другу прозвища, похлопывали по плечам, смеялись, остряли; и в конце концов, по стародавнему обычаю Москвы, обильно ужинали.

Можно сказать: Москва старинная, хлебосольная и благодушная. Можно сказать и так, что писателю молодому хотелось больше молодости, возбуждения и новизны. Все же свой, великорусский, мягкий и воспитывающий воздух "Среда" имела. Знаю, что и Андреев любил ее. А судьба решила, чтобы из членов ее он ушел первым - один из самых младших" [Зайцев Б. Леонид Андреев.- В сб.: Книга о Леониде Андрееве Воспоминания. Берлин - Петербург- Москва, изд. 3.Гржебина, 1922].

1.2 Особенности новеллистики Б.Зайцева

В этом же 1902 году участники телешовских "Сред" осуществили издание сборника для юношества под названием "Книга рассказов и стихотворений", в которую вошла и новелла Зайцева "Волки". Впервые его имя соседствует с теми, которые составили литературную славу России: Горький, Бунин, Куприн, Андреев, Мамин-Сибиряк...

Первые успешные публикации открывают Зайцеву дорогу в любые журналы. Его охотно печатают "Правда", "Новый путь", "Вопросы жизни", "Современная жизнь", "Золотое руно", "Перевал", "Современный мир", "Русская мысль". И вот как бы первый итог дебютанта в литературе-его трижды переизданная книга "Рассказы" (1906, 1907, 1908 гг.). Сразу после ее выхода он проснулся знаменитым: о нем заговорили, появились первые рецензии и очерки творчества.

Назовем и процитируем наиболее важные из них.

Валерий Брюсов в числе первых заметил книгу Б. Зайцева и опубликовал в "Золотом руно" рецензию (кстати, окружало ее интересное соседство – отклики на новые книги А. Блока, И. Бунина, В. Брюсова). С тонкой проницательностью характеризуя творческую манеру новичка, он писал: "Рассказы г. Зайцева - это лирика в прозе, и, как всегда в лирике, вся их жизненная сила - в верности выражений, в яркости образов. Г. Зайцев, по-видимому, сознает пределы своего дарования, и все его творческое внимание устремлено на частности, на отточенность слога, на изобразительность слов. Среди образов, даваемых г. Зайцевым, есть новые и удачные, являющие знакомые предметы с новой стороны,- и в этом главная ценность его поэзии..." И резюме метра: "Мы вправе будем ждать от него прекрасных образцов лирической прозы, которой еще так мало в русской литературе" ["Золотое руно", 1907, № 1].

А. Г. Горнфельд: "Его слова умные, наблюдательные, нежные и определенные,- как то озеро, о котором он говорит в "Тихих зорях": "Если

пристально смотреть туда, начинает казаться, что выйдешь куда-то насквозь, глаз тонет в этом озере". Его рассказы полны чего-то невысказанного, но важного: как в хорошей картине есть воздух, так в его рассказах чувствуется психическая атмосфера - и подчас кажется, что именно эта воздушная перспектива настроения есть самый важный для него предмет изображения. Он пишет мелкими мазками, точками незначительных подробностей, легко брошенными, но вдумчивыми эпитетами; и часто, часто эти штришки разом освещают нам содержание явления, в которое мы еле вдумывались, и переводят в сознание то, что смутно ощущалось за его порогом" [5;20].

Александр Блок: "Есть среди "реалистов" молодой писатель, который намеками, еще отдаленными пока, являет живую, весеннюю землю, играющую кровь и летучий воздух. Это - Борис Зайцев". А в "Записных книжках" 20 апреля 1907 года Блок отмечает: "Зайцев остается еще пока приготавливающим фон - матовые видения, а когда на солнце - так прозрачные. Если он действительно творец нового реализма (каким считала его критика того времени.- Т. П.), то пусть он разошьет по этому фону пестроту свою" [Блок А. Собр. соч. в 6-ти т. М.,1982, т. 5, с. 115.]. И наконец, в статье "Литературные итоги 1907 года" заключает: "Борис Зайцев открывает все те же пленительные страны своего лирического сознания: тихие и прозрачные" [Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т.5, с. 224.].

М. Горький, прочитав книгу рассказов Зайцева, называет его в письме Леониду Андрееву (в августе 1907 г.) первым в числе тех, с которыми тот мог бы делать хорошие сборники "Знание", ибо такие, как он, "любят литературу искренно и горячо, а не одеваются в нее для того, чтобы обратить внимание читателя на ничтожество и нищенство своего "я". Однако в другом письме А. Н.Тихонову (А. Сереброву), написанном в это же время,- Горький выражает свое неприятие творческой манеры Зайцева: "Вам, кажется, знаком Б. Зайцев, и Вы немного поддались его манере выразить

свою истерическую радость жизни? Это - бросьте, советую. Есть такое состояние психики, кое медицина именует: "надеждой физиков" - у Зайцева источник вдохновения - именно эта надежда"[Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1955, т. 29, с. 85.].

Здесь следует заметить, что большинство критиков, анализировавших творчество Зайцева, как и Горький, но без его злого сарказма, именно радость жизни, именно светлое, оптимистическое начало, столь ярко проявляющееся в каждой зайцевской странице, считали главным достоинством его рассказов, повестей, романов, пьес. "Зайцев сумел полюбить эту радость и счастье человека сильнее, чем капризы своей души, или, вернее, он настроил свою душу так, что все ее движения стали откликами этой радости и этого счастья",- писал П. Коган. Он же: "Зайцев слушает трепет жизни во всем, его душа откликается на радость всего живущего. И "вольное зеркальное тело" реки, и серая пыль, и запах дегтя - все одинаково говорит ему о радости жизни, разлитой в природе. Он так любит эту радость, он так ясно ощущает ее, что трагическое жизни не может нарушить ее светлого течения. Печальное –только спутник счастья, а смысл и цель в этом последнем. И кто владеет этим великим умением любить радость, пред тем бессильно скорбное и больное. Этим светлым взглядом смотрит Зайцев на все чувства людей" [Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы. Современники. Зайцев. Т. 3, вып. 1. М., 1910,с. 177, 181- 182.]

К. И. Чуковский, выступивший еще в начале века как острый, взыскательный критик, имеющий зоркое эстетическое зрение, но увлекающийся сверх меры и потому субъективный, отчаянно спорил с Зайцевым, отвергая его проповедь "стихийности", поглотившей человека, надмирности, жертвенности, признавал, однако, высокую, покоряющую власть его жизнеутверждающего поэтического дара. Его поэзия, писал он, "так щемяще прекрасна, и Зайцев восхитительный поэт, но наше несчастье,

наше проклятие в том, что мы все - такие же Зайцевы! Вы только представьте себе на минуту огромную толпу, всю Россию, из одних только Борисов Зайцевых, Зайцевы сеют и жнут, Зайцевы сидят в департаментах, Зайцевы продают, Зайцевы покупают, да ведь это величайшее наше страданье и величайшая слабость! Тают, вянут, никнут, блекнут - хлипкие, восковые фигурки,- ни одна не стоит на ногах! И пожалуйста, не подносите к огню, так и закапает воск. И при этом еще улыбаются: ах, как приятно таять!" [Чуковский К. И. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1969, т. 6, с.324.]

В истории литературы совсем немного примеров, когда издавший всего только первую книгу сразу становился в один ряд с теми, чья литературная репутация давно утвердилась. О Борисе Зайцеве узнала вся читающая публика, его включают в списки предполагаемых сотрудников и авторов новых журналов и издательств, о нем обмениваются впечатлениями в письмах и статьях А. Белый и И. Бунин, А. Луначарский и Ю. Айхенвальд, А. Куприн и Ф. Сологуб, Е. Колтоновская и Эллис (Л. Л. Кобылинский), Г. Чулков и Л. Андреев.

Начинающего литератора приглашает на обед и сам Горький, который тут же заказывает ему перевод драмы Флобера "Искушение святого Антония". Заказ Борису Зайцеву пришелся по душе, и он выполняет его с воодушевлением. Новая работа публикуется в 1907 году в 16-й книге горьковских сборников "Знание" и в этом же году выходит отдельным изданием. Луначарский оценил этот перевод как "большое достижение" [Луначарский А. В. Статьи о литературе. М., 1957, с. 640.]. Под прямым воздействием флоберовской драмы Леонид Андреев пишет своего "Элеазара", вызвавшего бурные споры, но за высокие литературные достоинства получившего одобрение Горького.

В 1906 году Зайцев вместе с С. Глаголем, П. Ярцевым, Эллисом, С. Муни (Кисейным) основывает литературную группу "Зори", и вскоре под таким названием начинает выходить журнал, просуществовавший, однако,

всего три месяца: ведь это был год революционный, когда новые издания жили очень недолго. В "Зорях" сотрудничали А. Белый, А. Блок, С. Городецкий, П. Муратов, А. Ремизов, В. Ходасевич... Московская квартира Б. К. Зайцева и В.А. Орешниковой (Зайцевой) "в доме Армянских, кораблем воздымавшемся на углу Спиридоновки к Гранатного" [Зайцев Б. Москва, Мюнхен, 1960, с. 46.], служит в эту пору местом литературных встреч, в которых участвуют К. Бальмонт, С. Городецкий, С. Кречетов, П. Муратов, Ф. Сологуб, В. Стражев.

Здесь же "четвертого ноября 1906 года,- вспоминает В. Н. Муромцева-Бунина,- я познакомилась по-настоящему с Иваном Алексеевичем Буниным"[Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Париж, 1958, с. 170.]. Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне Буниным, Борису Константиновичу и Вере Алексеевне Зайцевым суждено будет с этой поры по-семейному сблизиться, подружиться и пройти рука об руку до последних дней своих больших жизней, деля друг с другом радости и невзгоды, временами ссорясь и быстро примиряясь. Бунин, рассказывал много лет спустя Борис Константинович, "под знаком поэзии и литературы входил в мою жизнь: с этой стороны и остался в памяти. Всегда в нем было обаяние художника - не могло это не действовать"[Зайцев Б. Москва, с. 44.]

В 1907 году Горький предпринимает попытки укрепить состав, улучшить содержание сборников "Знание". Возглавить эту работу он предлагает Л. Н. Андрееву.

"С осени я переезжаю в СПб,- пишет Леонид Николаевич А. С. Серафимовичу 22 января 1907 года,- и становлюсь редактором "Сборников". И Горький, и Пятницкий, после продолжительных со мною разговоров, почувствовали, наконец, что дело неладно. И хочу я к работе привлечь всю компанию: тебя, Чирикова, Зайчика <Б. К. Зайцева) - сообща соорудить такие сборники, чтобы небу жарко стало! (...) В сборнике будут только шедевры"["Московский альманах", I, М.-- Л., 1926, с. 299.].

Летом этого же года Горький делится с Андреевым мыслями о программе намечаемых перемен: "Сборники "Знание" - сборники литературы демократической и для демократии - только с ней и ее силою человек будет освобожден. Истинный, достойный человека индивидуализм, единственно способный освободить личность от зависимости и плена общества, государства, будет достигнут лишь через социализм, то есть - через демократию. Ей и должны мы служить, вооружая ее

нашей дерзостью думать обо всем без страха, говорить без боязни...

Борис Зайцев в 1907 году принял предложение стать со второго номера соредктором (вместе с Л. Андреевым) альманахов издательства "Шиповник", возглавляемого З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом.

Совсем недавно, весной 1902 года, о "своем" журнале мечтал А. П. Чехов. Вот что вспоминает Скиталец: - Надо журнал издавать! Хороший новый журнал, чтобы всем там собраться! На этот раз Чехов не в шутку, а всерьез заговорил о создании нового журнала или периодически выходящих альманахов.

Мысль эта всем понравилась. - Хорошо бы без буржуя обойтись! Без редактора-издателя! - Самим дело повести, на паях! Товарищество писателей учредить!" [Скиталец. Повести и рассказы. Воспоминания. М., 1960, с. 363.]

"Чтобы всем там собраться" - с этой чеховской мечтой и повели дело в "Шиповнике" его новые редакторы Леонид Андреев и Борис Зайцев. В этих альманахах удалось объединить лучшие писательские силы того времени: и "знаньевцев" (в лице Андреева, Бунина, Гарина-Михайловского, Куприна, Серафимовича), и тех, кто далеко не во всем разделял их позиции (Блок, Брюсов, Городецкий, Зайцев, Муишель, Сергеев-Ценский, Сологуб, Чулков). Об этом новом, по существу беспрограммном писательском объединении Андрей Белый сказал так: "Полуимпрессионизм, полуреализм, полуэстетство, полутенденциозность

характеризуют правый фланг писателей, сгруппированных вокруг "Шиповника". Самым левым этого крыла, конечно, является Л. Андреев.

Левый фланг образуют откровенные и часто талантливые писатели, даже типичные символисты. Все же идейным "credo" этой левой группы является мистический анархизм" [Белый Андрей. Символизм и современное русское искусство. "Весы", 1908, No 10, с. 44.].

В 1912 году Зайцев вступает в литературский кооператив "Книгоиздательство писателей в Москве". Некоторые отнеслись настороженно-критически к идее создания нового писательского предприятия.

Одному из них (Муйжелю) Горький вынужден был пояснить: "А по поводу московского книгоиздательства, в члены коего я, вероятно, вступлю, вы, как мне думается, осведомлены неверно. Махалов - это Разумовский, автор книги о Гамлете и нескольких пьес. К" - Телешов, Бунин, Найденов, Зайцев, Вересаев, Юшкевич и т. д. Все они - члены-вкладчики, компания, как видите, не дурная"[Архив А. М. Горького. Письмо Муйжелю, датированное августом 1912 года. 15].

А вот интервью, данное 6 сентября 1912 года Буниным "Одесским новостям": "Гостящий теперь в Одессе академик И. А. Бунин сообщает небезынтересные новости. В Москве недавно организовался кооператив под названием "Книгоиздательство писателей", предполагающий выпуск ряда книг отдельных писателей, а также сборников. В издательство это вошли Бунин, Телешов, Шмелев, Карзинкин, Зайцев, Юшкевич и др. Редактором издательства назначен Вересаев. Ставя себе задачей работу вне всяких партийных уз, издательство отмежевывается лишь от модернизма, предполагая придерживаться исключительно реалистического направления".

В этом книгоиздательстве, в сборниках "Слово", Зайцев печатает такие произведения, ставшие в его творчестве веховыми, как повесть "Голубая

звезда", рассказы "Мать и Катя", "Студент Бенедиктов", "Путники". Здесь же начинается выходить его первое Собрание сочинений в семи томах, а также продолжают издаваться однотомники его рассказов, повестей, пьес.

8 апреля 1912 года Зайцев принял участие в благотворительном спектакле "Ревизор", поставленном членами литературно-художественного кружка (сбор в пользу пострадавших от неурожая). Почти все роли исполняли журналисты и литераторы, в их числе: Брюсов (Коробкин), Телешов (Держиморда), Зайцев (купец). В журнале "Рампа и жизнь" затем в трех номерах появились рецензия на этот спектакль, фотоснимки, рисунки, шаржи.

В этом же году, наконец, официально оформляется его брак с Верой Алексеевной: ей удалось добиться развода со своим первым мужем, от которого у нее был сын Алексей. А 16 августа рождается дочь Наташа. На фоне этих событий личной жизни Зайцев завершает напряженную работу над первым своим романом "Дальний край" - итог многолетних раздумий над судьбами романтически-восторженных молодых людей, загоревшихся идеей революционного переустройства жизни России.

К этому времени относится вспыхнувшее в нем под влиянием многочисленных поездок в Италию увлечение "Божественной комедией" Данте,- увлечение, захватившее его на всю жизнь. Он начинает переводить "Ад". В дальнейшем Зайцев напишет о великом флорентийце и его поэме книгу, которая выйдет в 1922 ГОДУ в московском издательстве "Вега" и в 1929 году в парижском журнале "Современные записки". В парижской газете "Возрождение" в 1928 году будут опубликованы его переводы третьей и пятой песен "Ада", а в парижском сборнике "Числа" (1931) -- песнь восьмая. В 1961 году Зайцев издаст свой перевод "Ада" и статью - размышление о гениальной поэме Данте отдельной книгой.

К 1913 году относится одна из серьезных размолвок Зайцева с Буниным, в

которой каждый был по-своему прав, поскольку исходил из принятых для себя эстетических канонов. Едва ли не самый крупный художник начала века, названного в русской литературе "серебряным", Бунин до конца своих дней оставался убежденным приверженцем того пути, который был утвержден достижениями наших классиков "золотого" XIX столетия: ему чуждо было то, что создавали, например, его великие современники Блок и Андрей Белый, не говоря уж о Леониде Андрееве, Бальмонте, Брюсове, Сологубе и других ярких представителях литературы поиска и эксперимента. Скандал разразился 6 октября 1913 года, когда Бунин на юбилее "Русских ведомостей" выступил не с традиционной - юбилейно-елейной речью, каких немало успели произнести тут до него, а заявил, что за последние двадцать лет "не создано никаких новых ценностей, напротив, произошло невероятное обнищание, оглупение и омертвление русской литературы", "дошли до самого плоского хулиганства, называемого нелепым словом "футуризм". Это ли не Вальпургиева ночь!" [9, с. 319-320.]

"Прав ли Бунин?" - под таким заголовком газета "Голос Москвы" провела среди писателей анкетный опрос. Вот ответ - возражение Бориса Зайцева, опубликованное 13 октября: "При всем моем глубоком уважении к И. А. Бунину, решительно не могу согласиться с его оценкой литературы (и культуры) нашего времени... Для того, кто осведомлен и не предубежден, ясно, что настоящая твердыня современной русской литературы - именно ее лирическая поэзия, давшая в лице Бальмонта, Бунина, Блока, Сологуба, Андрея Белого и некоторых других образцы искусства, очень далекие от улицы и хулиганства" [Там же. с.324.]. Эта же газета опубликовала решительные несогласия с Буниным, Бальмонта, Балтрушайтиса, Брюсова, Арцыбашева.

Под десятками произведений Зайцева стоит пометка: "Притыкино". Начиная с 1905 года, если не ранее, до 1922 года в этом живописном

приокском краю - в Каширском уезде Тульской губернии, в отцовском доме, Зайцев подолгу живет и работает. Здесь застала его весть о начавшейся первой мировой войне, здесь через два года, летом 1916-го, полу-чает повестку о мобилизации.

Тридцатипятилетний писатель, с первых своих рассказов выступивший против жестокости и насилия, гуманист, боровшийся за торжество светлого и разумного в человеке, по прихоти судьбы надевает вместе с безусыми юнцами погоны курсанта Александровского военного училища в Москве, а в апреле 1917-го он офицер запаса 192-го пехотного полка Московского гарнизона.

Революционный 1917 год Зайцев, наряду, впрочем, с многими и многими сотнями литераторов, людей искусства, воспринял как "конец всего того и зыбкого и промежуточно-изящно-романтического, что и был наш склад душевный". Это фраза из очерка Зайцева "Побежденный" о встречах с Александром Блоком.

Нет, не Блок, а Зайцев, хотя и не выступавший против революции, оказался ею побежденным, ею поверженным. Он по инерции продолжает заниматься литературной работой, пристально, но отстраненно вглядывается в события, перестраивающие привычный для него мир, пытается найти в нем место для себя. Дается ему все это с трудом, многое в свершающемся его возмущает, оказывается неприемлемым.

"Годы же трагедий,- напишет Зайцев четверть века спустя,- все перевернули, удивительно "перетрясли". Писание (в ближайшем времени) направилось по двум линиям, довольно разным: лирический отзыв на современность, проникнутый мистицизмом и острой напряженностью ("Улица св.Николая") -и полный отход от современности: новеллы "Рафаэль", "Карл V", "Дон Жуан", "Души чистилища". Ни в них, ни в одновременно писавшей "Италии" нет ни деревенской России, ни помещичьей жизни, ни русских довоенных людей, внуков тургеневских и

детей чеховских. Да и вообще русского почти нет. В самый разгар террора, крови автор уходит, отходит от окружающего - сознательно это не делалось, это просто некоторая evasion.

С июня по декабрь Зайцев сотрудничает в еженедельнике "Народоправство", редактировавшем его давним другом и соратником по другим изданиям Г. И. Чулковым. Вместе с Н. А. Бердяевым, Б. П. Вышеславцевым и Г. И. Чулковым участвует в работе Московской просветительской комиссии, которая издавала серию популярных брошюр (в их числе вышла и "Беседа о войне" Зайцева). В однодневной газете "Слову-свобода" Клуба московских писателей 10 декабря 1917 года он печатает политический очерк "Гнет душит свободное слово. Старая, старая история...".

1918 год для Зайцева начинается радостным событием: "Книгоиздательство писателей в Москве" пятым изданием выпускает его книгу "Тихие зори", которая становится первым томом его нового собрания сочинений. В этом же году выходят второй том ("Полковник Розов") и третий том ("Сны"). Вместе с Б. Грифцовым, А. Дживелеговым, П. Муратовым, И. Новиковым, М. Осоргиным участвует в Studio Italiano ("Итальянском обществе") - кружке, занимавшемся изучением и популяризацией великого наследия в литературе и искусстве, "нечто вроде самодельной академии гуманитарных знаний" [Зайцев Борис. Далекое. Вашингтон, 1965, с. 92.]. "Один из самых ужасных годов моей жизни" - так о 1919 годе скажет через много лет Зайцев. 19 января умирает в Притыкино его отец. 1 октября арестован Алексей Смирнов, сын Веры Алексеевны Зайцевой от первого мужа, который обвинен в участии в заговоре и расстрелян. Рушится мир, в котором Зайцев полнокровно и деятельно жил и к которому он привык. Борис Константинович, похоронив отца, остается в Притыки-но, пишет здесь очерки-воспоминания о своих поездках еще в довоенную пору в полюбившуюся ему Италию.

"Книгоиздательство писателей в Москве" в этом году выпускает его седьмую книгу рассказов "Путники", в которую вошло лучшее из написанного им в последнее двухлетие. Здесь его превосходные новеллы "Осенний свет" и "Путники", эссе о деревенских дурачках, юродивых и блаженных "Люди Божие", пьеса "Ариадна", стихотворение в прозе - раздумье о человеческой судьбе "Призраки" и, наконец, повесть "Голубая звезда", которую он считал "самой полной и выразительной" из первой половины своего пути, "это завершение целой полосы, в некотором смысле и прощание с прежним. Эту вещь могла породить лишь Москва, мирная и покойная, послечеховская, артистическая и отчасти богемная, Москва друзей Италии и поэзии.." ("О себе").

В 1921 году происходит важное в его жизни событие: московские литераторы избирают его председателем Союза писателей (вице-председателями стали Николай Бердяев и Михаил Осоргин). В этом же году он активно работает в Книжной лавке писателей, торгуя старыми и новыми книгами вместе с А.Белым, Н. Бердяевым, Б. Грифцовым, М. Осоргиным и другими. 21 июля Зайцев, Осоргин, Муратов, Дживелегов и другие деятели культуры вступают во Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол), а через месяц их арестовывают и отвозят на Лубянку. Однако ввиду несуразности обвинений Зайцева и Муратова уже через несколько дней освобождают. Вконец расстроенный и обескураженный арестом, Борис Константинович уезжает в свое спасительное Притыкино, понимая, что за первым арестом в эти времена неминуем и второй, который, кто знает, может стать последним: ведь только что безвинно арестован и расстрелян поэт Николай Гумилев и с ним еще шестьдесят один человек.

В Москву Зайцев возвращается лишь весной 1922 года и здесь тяжело заболевает сыпным тифом. Двенадцать изнурительных дней и ночей проходят для него между жизнью и смертью. Наконец наступает перелом в болезни и выздоровление. Обессиленный и изнемогший Борис

Константинович решает хотя бы на короткий срок для поправки здоровья выехать с семьей за границу -подальше от голода и житейской неустроенности. Необходимую для этого визу он получает благодаря вмешательству А. В. Луначарского, Л. Б. Каменева и содействию Ю. К. Балтрушайтиса. Но фактически это была виза на добровольную высылку из России. В 1922 году такую же визу - "для поправки здоровья" - получили многие сотни: высылка интеллигенции приобрела массовый характер, и это оказалось спасением: большинство оставшихся вскоре попали под сталинскую гильотину.

Будучи исконно русским человеком, любившим Россию, Зайцев не без боли покинул ее. Но не осталось уже ни физических, ни духовных сил бороться за хотя бы простейшие условия для жизни, для работы. Он был в числе тех, кто не понял революцию, кого устрасил ее размах, драматизм событий, нахлынувших и на него.

Первое лето на чужбине Зайцев проводит в Берлине и в курортной местности близ Штеттина, поправляя здоровье, приходя в себя после тифа и житейских тревог. Здесь он встречается с А. Н. Толстым, начинает писать свой второй лирический роман "Золотой узор", который частями сразу же публикуется в парижском ежемесячном журнале "Современные записки". Вскоре ему дают понять, что его возвращение в Россию и невозможно, и нежелательно.

Так пришло и его пожизненное изгнание. Однако "годы оторванности от России оказались годами особенно тесной с ней связи в писании. За ничтожными исключениями,- вспоминает много лет спустя Борис Константинович в одной из автобиографий,- все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит" [Зайцев Борис. О себе.]. Осенью 1922 года покинуть страну – вслед за Б. Зайцевым, но теперь уже не добровольно, а принудительно - предлагается Ю. Айхенвальду, Н. Бердяеву, Б. Вышеславцеву, М. Осоргину, Ф. Степуну... Все они приезжают

в Берлин, ставший первым пристанищем для русской эмиграции, "неким русско-интеллигентским центром" [Зайцев Борис. Далекое, с. 115.]. Здесь же по разным причинам и обстоятельствам оказываются А. Белый, Н. Берберова, П. Муратов, Б. Пастернак, А. Ремизов, А. Толстой, В. Ходасевич, М. Цветаева, В. Шкловский, И. Шмелев, сотни других деятелей культуры и науки. Одним рано или поздно удастся вернуться на родину, другие так и окончат свои дни на чужбине, преданные полному забвению в России. Лишь теперь некоторые из них приходят к нам из небытия своими книгами, музыкой, живописными полотнами, научными трудами.

Русская колония в Берлине живет хотя и трудно, бедно, но дружно. Встречаются почти ежедневно на литературных собраниях в кафе Ландграф, называвшемся Русским клубом или Домом Искусств, одним из организаторов которого стал Зайцев. Борис Константинович некоторое время сотрудничает, зарабатывая на жизнь, в ежедневной газете А. Ф. Керенского "Дни" и в журналах "Жар-птица" и "Воля России". Кстати, в "Днях" Зайцев публикует первые очерки своего писательского дневника под названием "Странник" (переименованного впоследствии в "Дни").

Глава II. Подвиг святости как основная концепция в творческом осмыслении Б.Зайцева

В эмигрантской прозе Б.Зайцева духовно-религиозные аспекты проблематики приобретают существенную значимость, что проявляется как в романистике [5.148], так и в художественно-публицистических работах: в жанрах житийных «портретов», «хождений», писательских биографий и др. В житийной трилогии о Сергии Радонежском, Алексее Божьем человеке и преподобном Авраамии (1925 – 1934) силой сердечной, творческой интуиции феномен святости осмысляется в различных ипостасях, в единстве индивидуального и надличностного измерений. Художественная целостность трилогии обусловлена системой устойчивых лейтмотивов, образных решений, констант авторского стиля.

В предисловии к повести «Преподобный Сергей Радонежский» (1925) намечается раскрытие антиномий явленного и сокровенного, созерцательного и деятельного начал в душевном мире святого, уже здесь звучит та «лично-теплая интонация повествования» [2; 642], которая в основной части жития окажется в диалектическом взаимодействии с принципом исторической объективности, с ориентацией на достоверные источники.

С первых глав произведения от детских и отроческих лет Варфоломея автор протягивает нити к будущему пути подвижника. Его родители, домашний быт которых был близок крестьянскому, привечали странников, олицетворявших «то начало ищущее, мечтательно-противящееся обыденности, которое и в судьбе Варфоломея роль сыграло» [1; 221].

В этом просматривается антиномичное соединение верности Варфоломея-Сергия устойчивым, традиционным формам жизни – и его инаковости. Он до конца остается «послушным сыном», не дерзая противиться воле родителей, однако «уже к порогу юности отшельник, постник, инок явно проступили» в нем. Смысловыми кульминациями повествования становятся ключевые символические эпизоды в жизни героя, таящие в себе Божественные предначертания, – начиная от одновременно простой и непостижимой встречи отрока с таинственным старцем («деревенская картинка, так близкая и так понятная через шестьсот лет!»), предсказавшим ему монашеский подвиг в обители Пресвятой Троицы. С первых же глав возникает сквозное для всей повести контрастное соотнесение исканий Сергия с иными типами праведничества: «Юродство ему чуждо... неприменима судьба бегства и разрыва... не было экстаза, как во Франциске Ассизском».

Постижение человеческого пути Преподобного выводит авторскую интуицию к ощущению глубоко индивидуализированного, спроецированного именно на данный путь Высшего Промысла: «Отвечая типу, складывалась и судьба, естественно и просто, без напора, без болезненности». При изображении его подвижнического опыта у Зайцева происходит символизация предметного мира, когда в этом «плотничестве русском» приоткрывается Божественная тайна: «Через столетия сохранил облик плотника-святого, неустанного строителя сеней, церквей, келий, и в благоуханьи его святости так явствен аромат сосновой стружки». В стержневых главах повести («Выступление», «Отшельник», «Игумен», «Св.

Сергий чудотворец и наставник», «Общежитие и тернии») выстраивается целостная аксиология пути Сергия к претворению в себе Божьего замысла. Существенны здесь авторские раздумья о вехах аскетического подвига борьбы святого за «организованность человеческой души, за выведение ее из пестроты и суетности в строгий канон», за обретение «духопроводности» души, дающей «ощущать Бога». Авторское слово, соединяющее в себе близость житийной стилистике и богатство образно-ассоциативного ряда, направлено здесь на раскрытие того, как в «прохладном и прозрачном духе» Сергия еще до принятия священства «из уединенного пустычника, молитвенника, созерцателя выростал... и деятель». Передавая Сергиев опыт духовного водительства, Зайцев сохраняет верность контрастно-сопоставительному принципу и подчеркивает, что оно осуществлялось «без видимого напора», в отличие от сурового игуменства Феодосия Печерского, у которого «аскетический подвиг страстнее».

Сущность сокровенного игуменства Сергия проистекала, в понимании автора, от осознания этого поприща не как внутренней необходимости, а в качестве «ясного поручения от Церкви – воспитывать, вести пустынную свою семью». В цепочке ключевых эпизодов, сопряженных с тем, как «трудолюбие мальчика и юноши Варфоломея оставалось неизменным и в игумене», – с чудесно привезенным хлебом для ропчущей братии, с источником, с воскрешением ребенка, со смирением перед крестьянином, не узнавшим в Сергии игумена, в строительстве им келии за гнилые куски хлеба – приоткрываются грани наставничества прежде всего духовного, сокровенного, а уже во вторую очередь мотивы игуменства, связанного с устройением внешних форм монашеской жизни. «Не прямым миссионерством», но «уча самим собою», Сергий «выделяет деятельность духовную, водительную от житейских отношений».

В композиционном оформлении этих эпизодов раскрываются пластика портретной, «жестовой» детализации («негромкий голос, тихие движения,

лицо покойное, святого плотника великорусского»), земная, географически конкретная почва произрастания этого опыта святости («север духа... сдержанная, кристально-разреженная и прохладная атмосфера»), и в то же время передается чудесная, надмирная сущность всего происходящего – в видении Сергием райского света и птиц, в услышанном им таинственном голосе об «умножении стада учеников». Путь Сергия в творческой трактовке Зайцева – это не «путь Савла», с неожиданными, мучительными прозрениями, но скорее «непрерывное, недраматическое восхождение» к достигнутому в старости «абсолютной гармоничности и просветленности». Избегая идеализирующих упрощений при изображении явной и незримой духовной брани на пути святого, Зайцев во всех трех житиях особенно выделяет сюжет странничества, ухода от сложившихся форм жизни. Таков был временный уход Сергия из созданной им обители в ответ на случайно услышанные гордые слова брата Стефана.

Запечатлевая этот шаг святого, автор благоговееет перед тайной сделанного им выбора («мы можем лишь почтительно предполагать») и прозревает здесь вовсе не «нервный» поступок, а мудрое нежелание «соблазнять» и «разжигать» людские страсти. В этом смиренном временном самоудалении индивидуальность подвижника («Действовал он тут не как начальник, как святой») увидена в гармоничном созвучии с основами общеправославного мировидения: «Еще вознес, еще освятил облик свой, еще вознес и само православие, предпочтя внешней дисциплине – свободу и любовь». Антиномия ухода и участия Преподобного в земном служении осмысливается в произведении и посредством воссоздания церковно-исторического и политического контекста русской жизни XIV в. – поры иноземного ига, соперничества городов и мучительного «собирания земли». Тайна взаимоотношений души и исторического времени приоткрывается в авторских раздумьях о Сергии, которого «горестный вид жизни, ее насилия,

неправды и свирепость лишь сильнее укрепляли... в мысли об уходе к иночеству».

В русле этого мудрого иноческого ухода – и решительный отказ от митрополичьей кафедры, когда Сергей «спокойно удалился от того, чего другие добивались так усердно». Вместе с тем «отшельник» и «плотник» становится и духовным «наставником и утешителем» князя Дмитрия Донского, благословляя его «за имя Христово, за веру православную... душу положить и кровь пролить». Весьма значимы психологические штрихи к изображению напряженной внутренней сосредоточенности святого в день Куликовской битвы: силой духовной прозорливости он заочно «говорил о ходе боя», «называл павших и читал заупокойные молитвы», «был в подъеме высочайшем». Этот одухотворенный молитвенным предстоянием «пред лицом Бога» пассионарный дух выразился и в походе к князю Олегу Рязанскому с увещеваниями, которыми он «утишил» его «свирепство»: «Победил Сергей – старичок из Радонежа, семидесятилетними ногами по грязям и бездорожью русской осени отмеривший верст двести».

Таинственное сопереживание ухода и участия в подвиге Сергея постигается и в заключительных главах произведения, повествующих о постепенном оставлении им земного мира. Приближение к равноангельному бытию выразилось в движении от «креста деятельного» к «кресту созерцательному», к пределам земного пути, которые, в отличие от князей мира сего, отягощенных на пороге смерти грехами, не были сопряжены с «усталостью, разуверениями, горечью». Глубоко символичны в этом плане эпизоды совершения Преподобным Литургии в ангельском сослужении, а также явления ему Богородицы с апостолами Петром и Иоанном.

С другой стороны, умноженное в веках участие Сергея в судьбе земного Отечества проявилось в завещанном им наследии. В финале повести происходит значимое расширение пространственно-временной перспективы [3;165]: созданная Преподобным Лавра явила для России «узел духовного

излучения», от которого тянутся нити и к построенной им обители на Киржаче, и к монастырям, основанным его учениками – Авраамием Галицким, Мефодием Пешношским, Саввой Сторожевским и другими «пионерами дела Сергиева, в дальние и темные углы несшими свет». В этой преемственности традиции монашеского учительства Зайцевым прозревается мистическое и одновременно культурное, социально-историческое преобразование русского пространства, одухотворение той жизни, что «родится в лесных краях, глухоозерных». И вновь через ассоциативно-импрессионистические образы «благоуханнейшего дитя Севера», аромата стружки, «света прозрачного и ровного» воссоздается в итоговых авторских раздумьях личность Преподобного, которая являет «крепкий и здоровый» тип русской души, опровергая расхожее отождествление ее исключительно с «достоевщиной».

Духовно-нравственная категория ухода от мира становится сердцевинной концепцией святости в «Алексее Божьем человеке» (1925), где центральный герой, в отличие от Сергия, идет на решительный разрыв со своей средой – атмосферой «старого» и «развращенного» Рима. История духовного роста Алексея остается в основном на уровне умолчания, выводится за рамки сюжетного повествования и косвенно приоткрывается через эпизоды посещения юношей катакомб, церкви святой Пуденцианы, в которых явленное переплетается с мистическим – в упоминании о том, что «Кто-то был с ним, светлый и таинственно-великий».

Личность будущего подвижника косвенно высвечивается через интуиции его невесты Евлалии о «странном» и «необыкновенном» юноше, в догадках его псевдонаставника грека философа Хариакиса, а также в общении Алексея с природным бытием, во время которого сокровенное молитвенное чувство «набиралось и бродило» в его душе, позволяя уловить «ослепительное сияние» в воздухе. Центральным становится в повести сюжет ухода Алексея «от великого, взрастившего его Рима». Это шаг не

столь органичный, как у Сергия, но в значительной степени драматичный, внутренне выстраданный, последовавший после свадебного пира и продиктованный тайным осознанием того, «что с ним и в нем Тот, Некий, Кого знал и ранее». Странствия героя, его положение нищего на паперти храма «Богородицы утешения моряков» предстают в ракурсе взаимоисключающих восприятий: отца, недоумевающего о подобных «крайностях», и Евлалии, прозревающей в этом путь к обретению святости. Бытие Алексея проистекает на фоне жесточайших контрастов между прелестью природного мироздания («непрерывный звон цикад», «небо с потрясающими звездами») – и царящими повсюду бесчинствами. Глубоко показательна на данном этапе молчаливое, но решительное расхождение Алексея с Хариакисом, надеющимся превозмочь тщету этого мира революционной утопией построения государства для нищих и обрекающим себя на безумие жизни без Бога. Путь же самого Алексея пролегает через движение к внутренней зрелости («лишь глаза сильнее, взрослей блестели») к сознательному самоумалению ради победы над греховностью, в связи с чем особенно примечателен эпизод, когда он «поблагодарил Бога, что довелось ему получить милостыню от собственного раба». Подобное достижение смиренного взгляда на мир перекликается с Сергиевым радостным приятием крестьянина, упорно не признававшего в нем игумена: «Ты один справедливо рассудил обо мне...».

Решающее значение в судьбе Алексея, так же, как и в судьбах святых Сергия и Авраамия, имела Богородичная сила. По зову Пречистой, поименовавшей Алексея «Божиим человеком», он был приведен в храм, на паперти которого нищенствовал; под Ее же покровительством происходило и его возвращение на родину: «Храм Богородицы долго виднелся на холме, казалось, благословляя плавание». Не узнанный отцом, но распознанный Евлалией, герой достигает высот в подвиге самоумаления, тайной святости, занимаясь рабским трудом в отцовском доме и подвергаясь

осмеянию других рабов. Мотивами чуда и Божественной тайны пронизана сцена кончины святого, когда в руке умершего оказалась «грамота, таинственными буквами, не человеческой рукою писанная: – Алексей Божий человек – простота, любовь, смирение и бедность». Явление этой потаенной, отчасти близкой юродству святости стоит, по убеждению автора, «выше разума человеческого». В подвиге Алексея на первый взгляд не заключен заряд той преобразовательной в общенациональном масштабе силы, которой обладал Сергей Радонежский, однако этот путь прозрения тленности земных благ и смиренного отречения от них становится, как показано в финале, духовным наставлением для целого города и находит свое продолжение в будущем служении Евлалии: «...тою же калиткой у Тибра, где когда-то выходил Алексей, в черном плаще, в темном покрывале, незаметно, навсегда удалась женская фигура, что в миру носила имя Алексеевой жены Евлалии». Акцент на внутреннем самоочищении личности заявлен в заголовке третьей, самой поздней части зайцевской житийной трилогии – «Сердце Авраамия» (1934). На периферии сюжета оказывается здесь подвиг Авраамия как устроителя монашеской жизни, о чем лишь упоминается в финале, на первый же план в этом достаточно лаконичном повествовании выдвигается история превозмогания героем собственной «тяжести души». Глубоко символичны для Авраамия слова старца о его «косматом сердце», которое через тяжелую внутреннюю брань подлежит умягчению: «Пока сердца не смелешь, счастлив не будешь». В контексте всей трилогии данное произведение наиболее психологично, поскольку его художественный мир погружает в атмосферу напряженного внутреннего бытия личности, жаждущей очищения. Авраамий проходит тернистый путь от супружеской жизни, где проявилось его немилосердие к жене («казалось, что жена ленива и мотовка»), до странствий, пребывания в монастыре, где он осуждал монахов и в то же время неустанно молился Богу, «чтобы размолот ему сердце». В судьбе Авраамия выделены два ухода: от мирской жизни к

монашеской, а также мотивированное гордостью оставление монастыря («не понравилось ему тут»). Действие Промысла о пути героя художественно запечатлевается вначале через фольклорно-сказочные элементы, связанные с появлением зайчика и ласточки, направляющих его к чудотворной иконе Богоматери. Ключевым событием становится обретение Авраимом святой иконы, сила которой сообщает его передвижению в лодке по озеру мистический смысл, ибо на озере «осталась светло-серебристая струя, проведенная таинственной лодкой». Это переплывание озера и теперь уже смиренное возвращение в монастырь становятся залогом духовного перерождения героя («родилось новое сердце»), основанием его будущего игуменского служения в качестве «провозвестника и проповедника светлейшей истины Христовой». Лейтмотивом Божественного света пронизано повествование во всех трех зайцевских житиях: в рассказе о преподобном Сергии это постижение излучаемого через него «света прозрачного и ровного»; в описании Алексея, сидящего у храма, возникает образ солнца, которое «заливало все... легким, трепетно-прозрачным светом»; в житии Авраамия – это всепросветляющая «риза Богоматери». Многоплановыми стали пути художественного осмысления опыта святости в «житийной» прозе Б.Зайцева.

Идя по пути психологизации образов центральных героев, «бытовизации» при изображении обстоятельств их земных исканий [4; 106], автор каждый раз заново нащупывает точки пересечения явленного и сокровенного в их движении к Богу. В самом подвиге святости здесь прозреваются грани как напряженного внутреннего трудничества, так и жертвенного, самоумаляющего служения людям и Отечеству. Существенны в этом плане поэтика меняющихся ракурсов изображения путей и поступков житийных персонажей, композиционное значение ключевых символических эпизодов, формирующих образно-ассоциативные ряды произведений. Проникновенно-лирическое и одновременно обращенное к широкому

адресату авторское слово предстает здесь в многообразии смысловых оттенков и стиливых вариаций, открывая перед древним житийным жанром новые перспективы культурно-исторического бытия.

2.1 Концепция души в творчестве Б.Зайцева «Аграфена».

Повесть «Аграфена» (1908) стала одним из ярких явлений в ранней прозе Б.Зайцева, где отчетливо наметились подходы к художественному познанию внутреннего бытия личности, высветилась оригинальность импрессионистской стиливой манеры писателя. В тридцати коротких главках этой повести-«портрета» воссоздаются пульсирующие ритмы душевных исканий Аграфены, что становится «примером бытийственного «прочтения» жизни героини» [2, с.98]. В экспозиционной части произведения в мозаике штрихов и оттенков прорисовывается мир эмоциональных переживаний Груши – «на дальней заре своей жизни, семнадцати лет» [1, с.57].

Импрессионистская поэтика изображения проявилась здесь в запечатлении пейзажных образов, «пропущенных» через поэтически-чувственное восприятие героини, что особенно искусно передается ассонирующей и аллитерирующей словесной тканью, окказиональными формами и лексическими сочетаниями: «Солнце вставало пламенным и пахучим», «день же светлел, над озимью текли стекловидные струи», «вечер апрельский, алый и нежный», «овсы шелковели». Импрессионистскими полутонами высветляется и смутное любовное томление героини, предметом которого стал на какое-то время «недосягаемо-чудесный» «он» – появившийся из неизвестности и вскоре вновь в нее обратившийся. Апогей «молодой жизни» Аграфены выражается в намеренно размытых авторских психологических характеристиках, исподволь указывающих на еще только предстоящее формирование ее индивидуальности: «Сквозь светлую мглу утреннюю трудно было сразу разобрать, кто едет», «почему-то заиграло и

забило ее сердце», сны «в синеющей дымке», «просыпалась счастливая и измученная»...

Сквозь «одуряющую» стихийность душевных движений героини значимым становится пробуждение в ней религиозного чувства, которое изначально приобретает отвлеченно-пантеистический характер, когда Аграфена «стала на коленях и молилась вслух полям, овсам, небу, Богоматери кроткой и милостивой». Мерцающее присутствие иного, Божьего бытия в мире утверждается и исповедальными интонациями авторского голоса, доверительно приоткрывающего то внутреннее состояние, в котором «в зеркальной глубине светлого неба как бы чуешь правду чистую и бесконечную». Драматичные же предчувствия скорой разлуки с возлюбленным знаменуют для Аграфены выложенный многими страданиями путь к душевному и духовному росту. Свойственная экспозиции щедрая описательность плавно сменяется далее своеобразным повествовательным пунктиром, где лаконичные зарисовки происходящих в мире изменений охватывают немалые временные пласты и оказываются соразмерными таинственным циклам человеческого и вселенского бытия («прошло четыре года», «опять забелели снега», «ветры подули, потекли снега», «теплом веяло с неба, зазеленело все»). В русле непоколебимого течения эпического времени за внешними драматичными событиями в жизни Аграфены («с мужем разошлась и детей не имела») таится напряженная внутренняя работа.

Само время постигается в художественном целом произведения как глубоко аксиологическая категория, отражающая действие Промысла в человеческой жизни: «Некто тихой десницей навсегда отмахнул от нее время, когда была она беззаботной». В процессе личностного развития героини автор придает первостепенное значение весьма непростому становлению ее религиозного чувства. Скрытый за изящной, тяготеющей к символизации изобразительной тканью психологический

анализ нацелен на различие внешнего, кажущегося – и сущностного во внутреннем бытии Аграфены. Ей «думалось», что «она ведет благочестивую, спокойную жизнь»; не останавливаясь в душевных исканиях, она снова и снова «спрашивала себя: верю или не верю?», однако в ее восприятии церковной службы, храмового пространства и смысла своего присутствия в нем душевно-эмоциональная, эстетическая составляющая, заключенная во вслушивании в то, как «пел хор гимназистов», в созерцании того, как «светло мерцали и струились свечи», – оказывается пока преобладающей над жизнью духа и в немалой степени пропитана языческим мироощущением.

Сокровенное противостояние языческого и христианского начал в душе героини сохраняет свою весомость в дальнейших, порой ложных, изгибах ее судьбы, авторское же осмысление этого решающего для личности противоборства задает особый ритм развертывания событийного ряда: погружение в бездну внутреннего помрачения сменяется надеждой и медленным возрождением. Торжеством языческой чувственности стала для Аграфены ее испепеляющая и обрекающая на унижения страсть к кучеру Петьке, в которой, утрачивая внутреннее самостояние, она ощущала себя «легко-пьяной и себе уже не принадлежащей», «ведомой властью небесных светил». И вместе с тем произошедшее зачатие ею «нового бытия» заставляет Аграфену сквозь зияние «огненной раны», «пустоту, палимую бесплотным огнем» все же осознать и прочувствовать собственное предстояние перед Творцом, то, что она «точно предстала перед Богом, как покорный сосуд, скудельный сосуд Его благости».

Импрессионистская доминанта авторских психологических характеристик призвана здесь максимально емко выразить глубинный процесс самоосознания героини, который на этом этапе не поддается для нее привычным именованьям, не укладывается в знакомые координаты индивидуальной картины мира, ибо «в душе у нее вставало нечто, чего раньше она не знала: будто тень от дальнего, жуткого доходила ей до ног и

стремилась охватить всю». В изображении последующих блужданий Аграфены, наполненных тем мрачным предощущением конца земного пути, на фоне которого, однако, «трогательней сияли видения прежних лет», – происходит метафорическое овеществление самой «материи» проживаемого на земле времени: это и «ноябрьские дни», которые уводили «нить жизни дальше, в глушь, в черноту ночей», и годы, что утомляли «своим волнообразным всплеском», «стояли сзади... оттуда сочилась черная влага, стекалась в душу и скоплялась едкими каплями». Тягостные раздумья героини о смерти пребывают здесь в антиномичном соприкосновении с возможностью душевного очищения через страдания, восхождения от душевного к духовному.

В моменты приближения к просветам она ощущала, как «на минуту сердце замлеало, будто ожидая чего», а в созерцании окских зимних просторов ей «представилось, что жизнь широко раздвинута». Кульминацией данного этапа жизненных странствий Аграфены становится ее хмельное состояние, связанное с переживанием томительной телесной близости с юным «братцем» барышни, когда она, с одной стороны, «режущей сладостью утоляла свою любовь – такую плотскую, темную, непонятную», а с другой – прозревала собственное греховное состояние, «томила в черном прозябании». Завершающая стадия движения героини к обретению жизни в духе открывается нелегким, но неизбежным разрывом с прежним любовным увлечением, принятием Таинства исповеди и вдумчивым прислушиванием к «голосу Провидения, таинственно воззвавшего к ней и направляющего в ему лишь ведомый путь». Это спасительный путь возвращения не только к исконным семейным привязанностям – престарелой матери и юной дочери, но и к родине, расширительно понимаемой в произведении в качестве духовной почвы индивидуально-личностного бытия.

Проницательные психологические характеристики Аграфены («душа была раскрыта», «тело, уставая за день, казалось ей легким»), включая

описание вещего сна о монашке, несущей чашу, «полную до краев», передачу изменившегося восприятия ею хода времени («крылатые дни неслись вереницей, благоухающей и здоровой»), – увенчиваются проникновенным лирическим отступлением о родине, где происходит слияние голосов автора и героини: «О ты, родина! О, широкие твои сени – придорожные березы, синеющие дали верст, ласковый и утешительный привет безбрежных нив! Ты, безмерная, к тебе припадает усталый и загнанный, и своих бедных сынов ты берешь на мощную грудь, обнимаешь руками многоверстными, поишь извечной силой. Прими благословения на вечные времена, хвала тебе, Великая Мать». В крепнувшем религиозном чувстве Аграфены все более отчетливым становится ощущение бесплодности рефлексивного пути в Богопознании, ибо, «сколько ни думала о Боге, смерти и будущей жизни, никогда не могла додуматься до ясного». Духовный путь открывается героине в сердечном вглядывании и вслушивании в присутствие Творца, Его воли и в космическом пространстве, где «зрелище синих, пылающих светил и глубокой порфиры неба... говорило о великом и ангелическом», и в течении «безбрежной реки» времени, которая «уносит одних, старит других, сводит на брак юные пары», и в перипетиях частных человеческих судеб...

Непродолжительный, но значительный по мере переживания опыт Богообщения помогает Аграфене в восприятии несчастной любви и гибели дочери, поднявшись над сиюминутным горем, узреть отражение «вечных образов» любви, действие мудрого Промысла, на что указывает символическое видение монашенки у изголовья дочери, запечатлевшее, как Анна «жадно и долго пила» из сосуда с темной влагой.

Сама же Аграфена приобщается к высшей форме страдания – за другую душу, страдания, не проклинаящего, но благословляющего Творца; она, по слову автора, «испила... последнюю чашу жизни». Целостность импрессионистского образно-ассоциативного плана повести проявилась в

том, что через ту же ускользящую от рационального определения «текущую» стихию жизни, которая рисовалась в экспозиционной части, – в завершении произведения передается итоговое прозрение Аграфеной собственных переживаний в виде ручьев, впадающих «в безмерный и Божественный океан любви». Земные искания и предчувствия любви приоткрываются ей «как таинственные прообразы Любви единой и вечной». Художественная сила финального эпизода повести – в соединяющем символические, «сновидческие» образы и живую непосредственность видения мира изображении смерти героини как одухотворенного, внутренне выстраданного и подготовленного перехода к прямому Богообщению, когда «сменились великие картины, бранные на вечные, и чей-то голос сказал: «Вот идет та, которую называли бедным именем Аграфены, вкусить причастие вечной жизни». В рассмотренной повести Б.Зайцева осуществляется художественное оформление христианской концепции человека в творчестве писателя. Элементы «житийного» начала, которые раскрываются в постижении условий и этапов восхождения личности от телесного, душевно-эмоционального к духовному, спроецированы в «Аграфене» на изображение таинственной женской души, ее индивидуальных исканий.

2.2 «Голубая звезда» в творчестве Б.Зайцева.

Повесть «Голубая звезда» – важный этап в духовной и творческой эволюции писателя, значимая веха на его сложном пути к православной вере и духовной прозе эмигрантского периода.

Религиозно-христианское умонастроение Б.Зайцева раннего, дореволюционного периода творчества наиболее полно отразилось в повести «Голубая звезда» (1918).

В современном литературоведении этому произведению уделено незаслуженно мало внимания. Многие авторы (Любомудров) относят ее к доправославному периоду творчества писателя и неоправданно резко противопоставляют духовной прозе эмиграции. По нашему убеждению, авторский взгляд на мир в этом произведении пронизан духом христианской религиозности, который лежит в основе художественного мира повести.

Носителем христианско-православного мироощущения является главный герой повести Алексей Христофоров – идеалист-романтик, кроткий, смиренный человек, излучающий духовный свет, «монах в миру», как его называют.

Выразительна семантика имени и фамилии персонажа: Алексей – человек Божий; Христофоров – «носящий в себе Христа» (Словарь русских фамилий).

В духовном мире персонажа очевидна глубокая генетическая связь с русской классической традицией, прежде всего с героями Достоевского: князем Мышкиным и Алешей Карамазовым (внешний портрет персонажа и мотив болезни, детскости, мотивы чудака, безумия восходят к князю Мышкину; мотив «монашество в миру» как образ жизни Христофорова созвучен судьбе Алеши Карамазова); с другой стороны, своими нравственно-духовными принципами, нравственной красотой своей личности Алексей Христофоров предвосхищает тип святого праведника в духовной прозе писателя эмигрантского периода (Христофоров восходит к идеалу святого, воплощенного в личности Сергия Радонежского).

В структуре духовного портрета главного героя доминирует мотив пути, скитальчества, странничества: вся его жизнь – скитания по России провинциальной, смена мест; его прошлое – «жизнь в тихих провинциальных городах» [Зайцев, 1993, с.302], в Москве – это смена мест, отсутствие «гнезда», поиск временного прибежища; в рассказе «Странное путешествие», который является своеобразным эпилогом повести, – гибель в

дороге. Как и в русской классической традиции, его путь это - странствования души, поиски истины, ответов на большие бытийные вопросы жизни, это движение от земного к горнему, к вечности.

Мотив скитальчества как поиска истины в духовном портрете персонажа сопрягается с другим ключевым мотивом – «монашества в миру», удаления от суетности и призрачности внешней жизни. Жизнь Христофорова – полумонашеское состояние, одиночество, внутренняя сосредоточенность.

Судьба Христофорова включается в сложную организацию художественного пространства в произведении: вечность – сиюминутность, Москва богемная, артистическая – Москва старинная, православная, Москва Святой Руси. В душе героя преломляются все три пространства: он чувствует себя чужим в мире артистической богемы, в свете, тянется к православной старине, чувствует присутствие вечности.

В художественном пространстве Москвы значимы следующие структурные элементы. Прежде всего это пространство природы, московские пейзажи, написанные в ключе импрессионистической поэтики: Б.Зайцев – мастер тончайшей словесной живописи, импрессионистических полутонов, оттенков, нюансов в описаниях природы. Ключевые мотивы пейзажных описаний: «полусвет», «прозрачная мгла», «отсвет»; через восприятие своего героя, наделенного тонким чувством красоты окружающего мира, фиксируются тончайшие световые рефлексии пейзажных картин: «закатный свет», «голубеющая дымка», «золотая пыль»; преобладающий колорит повести – свет, полутени.

Другой вид художественного пространства повести – русская старина, Москва православная, древняя, Святая Русь. Этот мир – часть души главного героя. Б. Зайцев поэтизирует мир русской древности: в повести воссоздается колорит древней столицы упоминанием и описанием исторических названий улиц и переулков, впоследствии переименованных и потерявших свою самобытность и поэтичность: Арбат, Поварская, Пречистенка, Большая

Молчановка, Моховая, Знаменка, Армянский переулок... Жизнь и духовный мир Христофорова неотделимы от Москвы старинной, древность и старина значимы в его «бродяжьей, нескрепленной» жизни. В восприятии Б.Зайцева Москва ассоциируется с глубиной истории, движением времени, с православной верой предков. Местом действия во многих эпизодах повести являются поэтические уголки старой Москвы: мансарда старого деревянного дома на Большой Молчановке с ее патриархальным уютом, киотом и лампадами, уютные барские особняки, древние соборы. В атмосферу московской старины естественно и органично включаются памятники древней архитектуры, которые близки внутреннему миру героя и автора: соборы Кремля, Иверская часовня, храм Христа Спасителя, золотые купола в Кадашах.

Образ Москвы - православной, первопрестольной столицы, дополняют пейзажи Звенигорода, освещенные древней благочестивой культурой. Как и в образе Москвы, импрессионистическая поэтика пейзажа сливается с темой времени, истории, традициями предков, глубиной исторического пространства, красоты древней архитектуры Саввино-Сторожевского монастыря, собора Успения Божией Матери.

В эпизоде посещения монастыря в Звенигороде автор противопоставляет два разных восприятия древней православной культуры: празднично-туристическое (компания Анны Дмитриевны: «Святое место, мы приехали отдохнуть») и религиозное, сердечное, душевное (для Христофорова и Машуры это посещение – не экскурсия, а паломничество. Они совершают этот путь пешком, душой ощущают красоту древней архитектуры и близость к вечности, движение истории, ход времени).

Атмосфера монастыря и старинных храмов противопоставлена Москве богемной, сценам маскарада и бегов. Это мир пустоты, суетности. Бега ассоциируются со «скопищем», «клоакой», игрой хищнических страстей, жадой легких денег, азартом и безумием, «адам».

Другая составляющая христианско-православного колорита повести – элементы церковно-православного календаря. В отличие от И.С. Шмелева (роман «Лето Господне») Б.Зайцев не воссоздает подробно полный годовой круг, весь годовой цикл православных праздников, но в сюжете повести значимы важные вехи православного календаря: Рождество, Великий Пост, Пасха. Эти картины окрашены восприятием праздничных событий разными героями: в Рождество у Вернадских хозяйке дома Наталье Григорьевне праздник важен как ритуал, парадный и скучноватый, он не затрагивает ее душу и сердце, воспринимается как дань народной традиции. Машура и Христофоров чувствуют истинный смысл этого дня, воспринимают его поэтически и сердечно.

Поэтическое и одухотворенное переживание православных праздников – часть того христианского идеала, к которому устремлен Алексей Христофоров.

Но жизнь его души отмечена глубочайшей внутренней раздвоенностью, рефлексией. С одной стороны, его притягивает мир монашества, он исповедует «монашество в миру», аскетизм, кротость, смирение, но его влечет все земное. Герой ощущает себя между двумя мирами: земным и небесным.

Устремленность Христофорова к поиску ответа на вопрос, как жить, наиболее полно раскрывается в сцене спора в гостиной Фанни. В диалог-исповеди с Анной Дмитриевной Христофоров открывает ей свои заветные нравственно-этические идеи, «устои»: устремленность к учению Христа, к главным христианским добродетелям. Он высказывает свое толкование главного христианского принципа – свободной воли, свободного духовного выбора человеком пути добра или зла. И вновь очевидна двойственность мироощущения героя Б.Зайцева: с одной стороны, по признанию Христофорова, «нет ничего в мире выше христианства» [Зайцев,1993,с.354], проповедь аскетизма, благочестия, смирения; с другой стороны,

привязанность к миру земному (он понял, что не может соответствовать идеалу христианской святости и пойти за святым Франциском Ассизским). В Христофорове нет пока глубокой сердечной веры, душа его – в состоянии внутреннего движения, поиска пути. В его вере пока нет Христа.

Жажда христианского идеала жизни в нем совмещается с пантеистическим отношением к миру: он чувствует присутствие Бога, ощущает одухотворенность природы, космоса, свою духовную связь с мирозданием.

Главным поэтическим символом повести является образ голубой звезды Веги, с которой герой-романтик связан неразрывной духовной связью. Символический смысл этого образа раскрывается в диалогах Христофорова и Машуры: Вега - символ «миров иных», той небесной реальности, к которой стремится его душа, «звезда-покровительница», водительница; символ «красоты, истины, божества»; Вега – символ любви его к Машуре, в облике которой он улавливает сияние голубой звезды.

Духовный путь Христофорова завершается в рассказе «Странное путешествие», написанном в другую эпоху творческой жизни Б. Зайцева – в эмиграции (1926). В гибели Христофорова в хаосе Гражданской войны художественно воплощается мысль писателя об обреченности такого героя в большевистской России. Но его гибель – это подвиг самоотречения, подлинной христианской жертвенности.

Таким образом, в общей творческой эволюции Б.Зайцева – от раннего дореволюционного творчество к духовной прозе эмигрантского периода – повесть «Голубая звезда» занимает значимое место: это важная веха на пути писателя к Православию, художественное отражение его собственного религиозного поиска, поворот к будущей духовной прозе.

Мир православной духовности и веры опозитизирован писателем. Носителем православного мироощущения является главный герой, в котором пока нет цельности и гармонии, религиозно-православное

мирочувствование соединяется с пантеистичеком взглядом на мир. Но в нем присутствует важная духовная доминанта – жажда религиозного идеала, угадывается облик христианского подвижника, умение жить по евангельским заповедям.

Заключение

«На горизонте русской литературы тихо горит чистая звезда Бориса Зайцева. У неё есть свой особый с другими не сливающийся свет и от неё идет много благородных утешений».

Б. Зайцев обогатил русскую литературу своим искусством слова. Прочтение названных произведений доставило наслаждение прежде всего потому что перед нами мастер акварельной поэтической мудрой прозы которой восхищались и самые взыскательные из современников писателя.

Изучение собранного материала позволяет сделать следующие выводы:

Два начала – художественное и духовное определяет развитие писателя. Начиная Б. Зайцев с импрессионизма но постепенно приходил к осознанию необходимости решения отдельных религиозных и нравственных вопросов. Они и становятся содержанием его произведений.

Мировоззрение писателя формировалось под влиянием философских учений В. Соловьева. С трудами В. Соловьева связано понимание Б. Зайцевым Вечной Женственности как всеобщего духовного начала любви как смысла жизни.

Любовь у писателя связана с предощущением чего-то вечного неземного трагического и в то же время необходимого и прекрасного.

Любить – значит жить жить – значит любить. По такому пути идут зайцевские героини. Отсюда и идеал возникающий в творчестве писателя – жизнь без любви невозможна.

Образ женщины стал одним из центральных в его произведениях. Создавая идеал женщины он создавал идеал прекрасного на земле. Любая женщина у писателя несет в себе Божественную сущность свет Вечной Женственности Вечной Красоты.

Для Б. Зайцева было необычайно важно соединить земное и небесное в женщине как это соединено в природе.

Б. Зайцев избегает прямых оценок и описаний, уходя в подтекст. Автор указывает не только на то, что в центре находится рассказ о жизни женщины, он также определяет и основное идейное содержание своих произведений.

Образ и судьба простой женщины во многом совпадает в представлении Б. Зайцева с образом России. Очевидно, что особое значение для Б. Зайцева имеет женское начало Женственность.

В творчестве Б. Зайцева нет случайностей все имеет значение. Все три произведения названы женскими именами но не только имена несут в себе смысловую нагрузку но и то что они имеют одинаковую заглавную букву «А» – первую букву алфавита как начало всего сущего...

К сожалению произведения Бориса Зайцева не изучают в школе. Однако хотелось бы познакомить ребят с величайшим представителем наследия русской культуры заложить в их души огромный клад нравственных и духовных ценностей. Говоря о педагогической стороне дела нельзя забыть что 15 – 16 лет – сложнейшая пора взросления и становления личности опыта проникновения в отношения мужчины и женщины. От того на каких примерах ребята узнают эту сторону жизни зависит очень многое в их воспитании.

Безусловно, я не могу претендовать на полное решение всех затронутых в работе вопросов, но надеюсь что своим исследованием делаю шаг к пониманию творческого наследия величайшего классика русской литературы.

Список использованной литературы

I. Общественно-политическая литература

1. Каримов И.А. Человек, его права и свободы – высшая ценность. Т.14. Т.: ИПТД «Узбекистан», 2006. – 224 с.
2. Каримов И.А. Узбекистан по пути углубления экономических реформ. – Т.: «Узбекистон», 1995. - 246 с.
3. Каримов И.А. Надежные гарантии нашего сотрудничества. – Т.: Узбекистон, 1996. – 235 с.

II. Художественная литература

1. Зайцев Б.К. Люди Божии / Сост. и вступит ст., коммент. С.Н. Осипов. Худож. С.И. Мартенькова. – М.: Сов. Россия, 1991. - 432 с.
2. Зайцев Б.Н. Улица святого Николая: Повести и рассказы/ Вступ. статья О. Михайлова, ил. А. Костиной. – М.: Худ. лит., 1989. - 399 с.
3. Зайцев Б.Н. Земная печаль. Из шести книг/ Вст. Ст. А.А. Иезуитовой. – Л.: Лениздат, 1990. - 496 с.

III. Научно-критическая литература

4. Агеносов В. Литература русского зарубежья (1918-1996). - М. 1998.
5. Адамович Г. Одиночество и свобода (Судьбы. Оценки. Воспоминания. Литературно-критические статьи). - СПб. 1993.
6. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. - М. 1999.
7. Бердяев Н. Самопознание. М. 1991.
8. Казак В. Лексикон русской литературы XX века. - М. 1996.
9. Кедров К. Поэтический космос. - М. 1989.
10. Кривушина Е. Имя собственное в художественном произведении. – М. 1989. – с. 53.
11. Крутикова Л. Реалистическая проза 1910- х годов (рассказ и повесть) // Судьбы русского реализма начала XX века. - Л. 1972.
12. Кустодиев Б. Письма статьи заметки интервью. - М. 1967.
13. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940)/Писатели русского зарубежья. - М. 1997. - Т.1.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия. - М. 1997. -Т.1-2.
15. . Струве Г. Русская литература в изгнании. - Париж - Москва: 1996.
16. Тихонов. В словаре русских личных имен. - М. 1995.
17. Усенко Л. Импрессионизм в русской прозе начала XX века. - Ростов: 1999.
18. Франк С. Сущность и ведущие мотивы рус. философии//Философские науки. - 1990. - N 5.

III. Интернет-сайты

19. //www.ru// www.zaycev.mnov.ru/
20. // www. margulev.mccme.rssi.ru//
21. // www.russ.ru/
22. //www.ru// www.tvset.khv.ru/
23. // www.ru // [www.sampo.karelia.ru/ ~ madr/blust.html](http://www.sampo.karelia.ru/~madr/blust.html)

Содержание

Введение	3
Глава I. Особенности творчества Б.К.Зайцева	7
1.1 Особенности поэзии в творчестве Б.Зайцева	9
1.2 Особенности новелл Б.Зайцева	15
Глава II. Подвиг святости как основная концепция в творческом осмыслении Б.Зайцева	30
2.1 Концепция души в творчестве Б.Зайцева «Аграфена»	38
2.2. «Голубая звезда» в творчестве Б.Зайцева	44
Заключение	50
Список использованной литературы	52